

ГЕНДЕРНА АРХЕОЛОГІЯ

УДК 903.22(292.511/.516)

В. В. Кищенко

ЗНАКОВОСТЬ СТРЕЛЫ В КОНТЕКСТЕ «ЖИЗНЕННОГО ПУТИ» (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ СИБИРИ)

Стрела ассоциировалась с «судьбой», «жизненным путем» человека. Выбор стрелы в качестве символа «судьбы», «жизненного пути» человека не случаен. Единственным предназначением стрелы было «уничтожение живых организмов». Символизируя собой судьбу человека, стрела является знаком предостережения об «опасности, исходящей из этой формы жизни». Будучи индивидуальной собственностью, лук и стрелы клались в могилу с умершим, как необходимые принадлежности охотника и в загробном мире. Но они были не только сопровождающими, но и сильными, часто негативными, по отношению к живым предметом. Орудия охоты и труда, поскольку они играют видную роль в производстве, в экономике данного общества, окружаются заботой о них, вниманием, часто особым почтением, почти благоговением. Это благоговение, почтительное отношение имеет тенденцию переходить в мистическое. К орудиям охотничьего промысла охотники и относились, и относятся сейчас, крайне заботливо и бережно. Существовал ряд запретов, невыполнение которых, вело к неудаче промысла. Часто при общей схожести обряда, у одних этнических групп, существовали региональные отличия в магических инструментах и манипуляциях с ними. Стрела была неотъемлемой частью обрядности, сопровождавшей один непрерывный круг «жизненный путь» - смерть порождает рождение, рождение порождает смерть. Ее задачей было защита и очищение пространства человека.

Ключевые слова: *стрела, обрядовость, народы Сибири, шаманизм, тотем*

Рождение, этапы взросления, создания и расширения собственной семьи, смерть – ступени жизненного цикла. Необходимость их философского осмысления и специфического для человека символического выражения стала движущей силой для возникновения и развития культов в частности культа предков, и религий. Как следствие – именно эти моменты находят наиболее устойчивое культурное оформление.

Стрела ассоциировалась с «судьбой», «жизненным путем» человека. Выбор стрелы в качестве символа «судьбы», «жизненного пути» человека не случаен. Единственным предназначением стрелы было «уничтожение живых организмов». Символизируя собой судьбу человека, стрела является знаком предостережения об «опасности, исходящей из этой формы жизни».

Также выбор стрелы в качестве символа судьбы (человека) состоит в схожести вещи (стрелы) и явления (судьбы). Траектория полета стрелы напоминает параболу, с которой и ассоциировался «жизненный путь» или «судьба» человека. Жизненный путь каждого человека индивидуален и зачастую непредсказуем, как полет стрелы. Высота и эшелон полета стрелы (судьбы человека) уникальны, поскольку зависят от множества факторов и условий. У одних жизненный путь (полет стрелы) крутой, высокий, но короткий. У других – пологий, незаметный, но длительный по времени [1].

Охота и рыболовство имели доминирующее значение в экономике народов описываемой этнической среды. Поскольку эти народы охотились и занимались

рыбной ловлей почти круглый год, а от удачного или не удачного промысла зависело благополучие охотника и его семьи, то вся повседневная жизнь его была наполнена стремлением обеспечить удачный исход промысла, уловить причины, которые могли повлиять на этот исход, устранить все, что могло принести вред и т.д. [2].

Среди запретов магического характера наиболее выделялись те, в нарушении которых усматривалась возможность магического воздействия или влияния на промысел, как в отрицательном, так и положительном смысле. Эти запреты носили характер заключения по аналогии.

Так как наша работа посвящена стрелам, то мы не будем касаться иных предметов и орудий (копье, нож, лыжи, котел с едой, нитки, иголки и т.д.).

Стрела означала душу человека. Более того, у бурят стрела означала душу мужчины. Этим положением обусловлен факт замены в свадебных обрядах жениха стрелой. Если жениха на свадьбе нет, по какой-нибудь причине и свадьбу приходилось делать без него, тогда невеста идя под шалью, в правой руке держала стрелу, которая заменяет жениха. Без стрелы совершать обряд было нельзя, потому что на правой руке невесты на месте жениха пойдет дух, за которого невеста выйдет замуж, т.е. после свадьбы она скоро должна умереть [3].

Часто при общей схожести обряда, у одних этнических групп, существовали региональные отличия в магических инструментах и манипуляциях с ними.

Так у предбайкальских бурят впереди свадебного поезда ехал «туруушэ» (далее турушин) – передовой, ведущий – со стрелой с железным наконечником («ехэ һ омо» – большая стрела), украшенной шелковыми кистями и яркими лоскутками. По поверьям, назначение везущего стрелу турушина заключалось в том, что он своей стрелой, которая внушала страх всякой нечисти, расчищал дорогу, чтобы нечисть не приставала к едущим и чтобы не помешала благополучному прибытию свадебного поезда. Турушин разгонял злых духов, оберегая невесту и вообще будущую жизнь молодых от их козней.

Подъехав к юрте, турушин соскакивал с коня, которого тут же уводили, не задерживаясь, проходил в юрту, никого не приветствуя, и с одного маху втыкал привезенную стрелу в северо-западный ее столб, которая хвостом должна быть обращена на восток. Причем так, чтобы она осталась на столбе под прямым углом, а еще лучше, если в наклонном положении, оперением кверху. Турушином мог быть далеко не каждый, а лишь тот человек, у которого благополучно сложилась семейная жизнь (обязательно первый брак, здоровая жена, чем больше потомства, тем лучше). Если ему удавалось одним махом крепко и глубоко воткнуть стрелу – будущее молодых обещало быть счастливым. Если турушина постигали неудача и заминка, это считалось дурным предзнаменованием. Поэтому турушинами назначались люди, способные достойно справиться с возложенными на них обязанностями, а тем самым предсказать счастливую жизнь молодым [4].

У унгинских бурят свадебный поезд, везущий невесту, посылает вперед верхового, который обыкновенно бывает пожилым, знающим обычаи и хорошо поющим. Этот передовой всадник у бурят называется туруши (по-русски, т-у-р-у – «первый»). За поясом у него заткнута стрела с железным наконечником. На выемке стрелы привязана белая миткалевая лента. Когда туруши подъедет, то соскакивает с коня и, бросив поводья на седло, не привязывая коня, входит в юрту. Стоявшие на улице буряты со стороны жениха привязывают коня туруши. Иногда, по обычаю, туруши въезжает прямо в круг пляшущих, тогда молодые люди ловят коня за правый повод и останавливают его. В это время туруши соскакивает с коня, ни с кем не здороваясь и не говоря ни слова, прямо входит в юрту, держа в руке стрелу. Войдя в юрту, он втыкает стрелу в столб юрты. При этом туруши старается воткнуть стрелу покрепче, чтобы стрела не упала и торчала бы в столбе до окончания свадебной

церемонии. Если стрела слабо воткнута, то ее не поправляют до тех пор, пока стрела сама не упадет на пол, тогда ее снова втыкают, но это считается худым знаком.

Стрелу из перьев орла
За пояс заткнувши, приехали.
В теплую и красивую сторону вашу
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев орла тарбажи
На бедро заткнувши, приехали.
Знакомую и виденную страну вашу
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев орла харабсар
На боку заткнувши, приехали.
В жаркую и красивую страну вашу
Молясь и под покровительство приехали [5].

В близкой связи с этим, видимо, находится старый монгольский свадебный обычай, так называемый обряд поклонения жениха родителям невесты, в ходе которого будущий тесть вручает зятю символическую стрелу счастья. Не исключено, что данный обрядовый жест символизировал передачу мужских качеств от «старшего» к «младшему», имел апотропеический смысл и в то же время символизировал вверение жениху половых полномочий в адрес невесты. В этом убеждает современная версия данного обряда, когда стрела заменена берцовой костью задней ноги барана, ассоциирующейся, в монгольских представлениях, с мужским детородным органом. Обряд завершается в юрте молодых, где они, держась за концы кости, возносят молитву о даровании им детей. Это начало их половой жизни (М. Гандболд. Устная информация). Две версии данного обряда вновь указывают на семантическое единство стрелы и фаллоса уже на монгольской обрядовой почве [6].

Нормальным условием рождения и его предпосылкой считалось заключение брака. Ритуальные действия, связанные с рождением ребенка, начинаются в составе свадебной обрядности. Так у киргизов существовала ранняя форма сватовства ещё не родившихся детей. О будущей свадьбе ещё не родившихся детей, договаривались преданные друг другу друзья, или совершенно чужие люди, но в самый трагический момент протянувшие руку помощи. При этом давали клятву породниться навеки – «соектешуу», подтверждали это слово ритуальным действием – касанием зубами к стреле лука [7].

Свадьба была не просто «действом», а сложным ритуальным комплексом, направленным на рождение ребенка, продолжение жизни предков в их потомках. Поэтому они требовали строгого соблюдения. У тунгусов существовал обычай. Если кто надумал жениться или имеет другие намерения, он приходит к избраннице своего сердца и говорит: «Мне холодно», а это означает, что он хочет у нее спать, и он без опаски может к ней лечь, но это ему разрешается не больше двух раз. Если же он приходит в третий раз, то его спрашивают родители, каково его намерение, пришел ли он потому, что хочет жениться, тогда сразу же речь заходит о калыме (олени, шкурки соболей, лисиц, охотничьи ножи, луки, стрелы) и обе стороны договариваются. Если же он пришел только погреться, то ему показывают на дверь и запрещают больше приходить. Если же он при этом ведет себя невежливо, то ему в награду пускают стрелу в бок [8].

По воззрениям многих народов ребенок считался «божьем даром». Само сочетание «божий дар» указывает на его происхождение свыше. Поэтому ритуалу, связанному с рождением ребенка, придавали большое значение.

В Красноярском краеведческом музее хранится ритуальная стрела весьма специфической формы. Наконечник ее представляет собой железный обоюдоострый клинок, разрезанный с тыльной стороны вдоль его тела на три части.

Средняя часть является черешком, а обе крайние симметрично изогнуты, что придает наконечнику зооморфный вид.

Эта стрела у селькупов служила для обрезания пуповины новорожденных (в знак каждого на древке привязывалась тряпочка) [9].

Вне всякого сомнения, данная стрела являлась сакральным атрибутом женской богини. И этому есть подтверждение: сагайцы называют пуповину «ымай (умай)», а по хакасскому поверью ымай означает душу или жизненную силу грудного ребенка, находящуюся у пуповины [10]. Кроме того, о повивальной функции богини повествует телеутское предание, в котором «Май-энэ (покровительница детей)» сама обрезала пуповину и с луком и стрелой охраняла новорожденных.

Необычная для наконечника форма красноярского экземпляра напоминает графический вариант трезубца Шивы – одного из фаллических символов этого божества. В то же время он весьма близок к графеме «Ψ» (пси). В инверсированном виде этот знак вполне может быть истолкован как изображение мужских половых органов. Удивительную ему близость, в этом смысле, обнаруживают изображения стреловидных персонажей на скалах Урала и лучников на оленных камнях карасукского времени из Монголии. «Стрелоголовые» воины показаны с широко расставленными ногами и отчетливо различимыми половыми признаками. В данном случае обращает на себя внимание использование древними мастерами оружейной темы, которую олицетворяет стреловидность фигур и их мужская ориентированность, заложенная в символику формы [11].

Все что относилось к физиологии женского организма (месячные, зачатие ребенка, роды, бесплодие) было окрашено ярким магическим и сакральным смыслом. Не исключением был и послед новорожденного.

Хакасы придавали ему особое значение. Ибо считалось, что он сохраняет плод в утробе матери и от него зависит судьба ребенка. Поэтому у них существовал обряд «кормления» и захоронения последа. Обряд выполняла повивальная бабка. Она застилала дно специально вырытой ямки белым войлоком или берестой. Ямка выкапывалась отцом ребенка в юрте. Причем для последа девочки – на женской половине юрты, а мальчика-на мужской. Затем аккуратно укладывался послед в белый войлочный или матерчатый мешочек и опускался в ямку. Считалось, что если последу будет холодно, то и роженица будет мерзнуть. Вокруг последа втыкали девять щепочек и намазывали их специально приготовленной кашей из сметаны. Затем послед сверху закрывали белой материей, клали лучок со стрелой и засыпали. Палочки и лучок должны были «охранять» послед [12].

После родов коряки послед кладут в мешочек, сплетенный из травы, с ним кладут туда маленький лук и стрелу и все это вешают на дерево перед восходом солнца, как жертву солнцу, чтобы ребенок остался жив [13].

Лук и стрелы сопровождали будущего охотника, а при необходимости, то и воина, с момента рождения. Если у якутов рождался мальчик, то ему приносят маленькие стрелы, железо и тому подобное, все это кладется ему у головы. Если же рождается девочка, женщины приносят швейные иглы, наперстки, нитки [14].

По сообщению К.Ф.Карьялайнена, на Васюгане на спинку колыбели мальчика укрепляли миниатюрный лук; по нашим наблюдениям, на Большом и Малом Югане в случае рождения мальчика в избушку для жертвоприношений члены рода приносили небольшой лук.

Признаком, указывающим на рождение мальчика, являлся сон, в котором фигурировал лук [15]. Когда после рождения ребенка, ламутка посещает своих

родителей или родителей своего мужа, то ребенку дарят лук и стрелы, если это мальчик, соболя или лисицу, если это девочка [16].

Болезнь человека воспринималась как вмешательство злых духов. Духи забираются внутрь организма и производят там чисто физическое нарушение правильного функционирования органов. Так, например, дух может забраться внутрь желудка, сердца, легких, в голову, ухо и т. п. Помещаясь внутри какого-либо из перечисленных органов, дух сосет его, лижет или грызет и тем доставляет тяжелое страдание. Где находится дух, тот орган и болит. Второй главной причиной болезни является то обстоятельство, что какой-нибудь дух похищает душу человека и уносит ее куда-либо в отдаленный уголок Вселенной. Без души человек жить не может: он тяжело страдает и, если душа долго отсутствует, совсем умирает. Вылечить больного – это значит устранить вмешательство духа. В некоторых случаях это будет просто физическое изгнание духа из тела больного; в некоторых же случаях для устранения вмешательства духа придется сначала отыскать этого духа и затем отобрать у него похищенную им душу больного [17]. Следовательно, во всех случаях лечения больного необходимо входить в то или иное сношение с духами. Это дело очень трудное и опасное, а поэтому из обыкновенных людей редко кто может взять на себя такую задачу. Для сношения с духами служат шаманы. Поэтому одним из главных занятий шаманов является лечение больных.

Когда дети часто болели, хакасы делали изображение богини Умай. Это небольшая кукла, вырезанная из берёсты с косами из белых конских волос (у сагайцев – из конопли), одетая в голубое платье. Делали её родители, но освещалась она шаманом. Хранили куклу в специальной шкатулке, находящейся над изголовьем кровати на мужской половине юрты. Здесь же хранили её красную чашечку и деревянную ложечку, а также маленький лучок со стрелой. Лучок изготавливали из берёзы, тетиву – из шёлковой нитки, а трезубый наконечник стрелы – из жести. С двух, трёхмесячного возраста до двух-трёх лет ребёнка каждый месяц на седьмой день новолуния родители совершали обряд, который заключался в «кормлении» куклы. Хакасы верили, что если не покормить вовремя, то богиня будет сердиться, перестанет охранять ребёнка и даже начнет мстить. Поэтому боялись её прогневить.

Для обрядового кормления специально готовили сметанную кашу. Доставали куклу из шкатулки, сажали у колыбели и в руках её укрепляли лучок со стрелой. Перед ней клали её красную чашечку и ложечку. Затем в чашечку накладывали кашу и начинали «кормление». Сначала три ложечки каши бросали в огонь, затем мазали губы куклы и после этого три ложечки каши давали ребёнку. Если это был мальчик, то также обмазывали кашей лучок и стрелу. Куклу обкуривали богородской травой и говорили:

Ымай хадым, Пай хадым!
Ты имеешь поводья из красной шелковинки,
Ты имеешь пищевой белую раковину каури,
Рот и язык крепко держи!
Ты лежишь только полночи,
Ты спишь только полночи.
На левое колено садиш детей,
Ты крепко держишь лук со стрелой,
Ты не видима для всякой нечисти.
Ночью будь сторожем,
Днем будь охранницей!

В том случае, если при «кормлении» ребёнку нездоровилось, то брали лучок со стрелой и стреляли ему в грудь. Таким образом, якобы убивали злых духов болезни, вселившихся в ребёнка [18].

Орудия охоты и труда, поскольку они играют видную роль в производстве, в экономике данного общества, окружаются заботой о них, вниманием, часто особым почтением, почти благоговением. Это благоговение, почтительное отношение имеет тенденцию переходить в мистическое. К орудиям охотничьего промысла охотники и относились, и относятся сейчас, крайне заботливо и бережно. Существовал ряд запретов, невыполнение которых, вело к неудаче промысла.

Повсеместно был распространен обычай, запрещающий женщине перешагивать через орудия охоты, а по сообщению К.Ф.Карьялайнена, «у северных остяков женщины не имеют права есть «то, что убито стрелой» [19].

У алтайцев, шорцев, кумандинцев перед отправлением на промысел нельзя иметь отношения с женщиной. После родов, в течении недели, женщине не дают мясо зверей в пищу, ибо она в это время не чистая и муж может лишиться удачи на охоте. Женщина не должна была дотрагиваться до ружья [20]. Можно с уверенностью сказать, что до появления ружей, этот запрет распространялся на лук и стрелы

Но в то же время, сон в котором охотник имел половое сношение с женщиной, предвещал непременно удачу в промысле. Это связано с тем, что во сне охотнику является хозяин гор или тайги, который весьма часто предстает в образе женщины [21].

В бурятском мифе от матери зависит не только рождение героя, его воспитание и дальнейшая судьба, но даже формирование пола ребенка:

Мать из щепок
Лук сделав, дала,
Из лучинок
Стрелу сделав, дала.

По мифологическим представлениям, данные атрибуты, в том числе копье, нож, ножницы, пестик и др., выступают в качестве фаллических символов [22].

Здесь проявляется амбивалентность женского тела, которое, наряду с представлениями о защите и заботе о потомстве, внушало суеверный страх.

В начале облавы главный распорядитель охоты устраивал моление охотничьим духам, при этом он держал в руках стрелу. В состав ритуальных действий на облавной охоте у бурятов входили жертвоприношения огню, приносящему охотничье счастье. Это связано с тем, что огонь олицетворял идею родового неугасимого огня. Хозяину огня и его жене устраивали жертвоприношения, которые совершались в специально убранной для обряда юрте (хозяин огня пребывает в очаге). Кроме всех обычных приношений (мясо, жир) и возлияний, хозяину огня при этом посвящают стрелу, которая обвязывается цветными коленкоровыми лентами и шелком и к ней привязываются три медные пуговицы. При посвящении стрелу опускают одним концом в небольшое ведро, которое привешивают затем к переднему столбу, стрела же втыкается в стену юрты в том углу (северо-западном), где размещаются некоторые главные онгоны (предмет являющийся вместилищем духов) [23].

Лук и стрелу использовали при разрешении спорных вопросов на облаве: забайкальские буряты правым среди спорщиков считали человека, попавшего в установленную на расстоянии 25 луков (около 40 метров) берцовую кость (диаметр 5-6 см).

Отголоском ритуальной практики облавных охот может быть следующее наблюдение М.Н.Хангалова: в конце 19 века мужчины по окончании религиозного обряда втыкали за пояс траву, что по их словам, означало надеть на себя колчан и лук. Характерно, что по окончании облавы охотники старались собрать все выпущенные ими стрелы. Несомненно, это имело практическое значение, но вместе с тем определялось и сакральным характером стрелы [24].

Возвращаясь с соболиной охоты без добычи, тунгус втыкал свои стрелы и лук в землю против солнца и произносил следующие слова: «Мой бог и владыка, из-за

которого я становлюсь человеком. Ты меня оставил, все ты делишь, то дай и мне тоже». Если после такой мольбы поймут соболя, то хватают его обеими руками за уши, держат мордой к солнцу и говорят: «Мой бог и властелин дал мне», – совершая при этом поклон [25].

Родовым духам жертвовали лук, стрелы, копьё, нож. К.Ф.Карьялайнен, описывая жертвоприношение в селе Кинтусово, говорит о стреле, пропущенной сквозь священную (противоположную входу) стену. У этой стены забивалось жертвенное животное. Умерщвление жертвенного животного допускалось стрелой, копьем, но не при помощи ружья [26].

Стрела, помимо всего, символизировала луч Солнца. Солнце являлось для носителей культуры абсолютной Высшей Силой, которая могла, как подарить жизнь человеку (культ Стрелы), так и отнять ее по своей воле.

В прошлом священная стрела была в каждой тувинской юрте.

Эту стрелу освящал самый сильный шаман. Священная стрела являлась хранителем семейного благополучия, оберегом для детей от болезней и злых духов. Считалось, что души детей находятся в священной стреле. И если дети заболели, то приглашали шамана и «угощали» священную стрелу. Для этого резали барана и ставили перед священной стрелой сваренный курдюк, умиротворяя тем самым разгневанную святыню.

Стрижка волос ребенка являлась основным элементом ритуала «оживления» священной стрелы. Волосы ребенка стригли и складывали в специально приготовленный мешочек кежик хавы, букв. «мешок (кошель) счастья».

Название мешка кежик хавы указывает на то, что символизировало собой содержание мешка (кошеля) кежик – «1) дар, благо; 2) добро, достояние, богатство». Помимо волос в него обязательно кладут просо, камешек или немного земли с ближайшей Священной горы, на которой род отца проводил обряд поклонения Солнцу.

После окончания стрижки волос шаман приступал к «оживлению» священной стрелы. Акт «оживления» выражался в креплении к древку стрелы зеркала из бронзы. Этим символизировалось начало жизненного пути человека, его связь с прошлым, т. е. своими достойными предками и будущим, ведь после жизни земной человек должен был вернуться в Верхний мир. Актом «оживления» шаман «ставил» на защиту ребенка всех его предков, для которых зеркало являлось «окном» из прошлого в настоящее. Все действие сопровождалось заклинаниями шамана.

Следом за зеркалом, к древку священной стрелы, привязывали мешочек с волосами ребенка. Помимо волос в него обязательно кладут просо камешек или немного земли с ближайшей Священной горы, на которой род отца проводил обряд поклонения Солнцу.

Функция всех оберегов была одна – защищать семейный очаг, обеспечивать благополучие всех членов семьи, особенно новорожденных и маленьких детей. В западных районах Тувы обереги делали по рекомендации шамана, в южных районах они могли быть изготовлены как шаманом, так и ламой. Следовательно, видеть и понимать хорошее или плохое «поведение» семейного хранителя по отношению к его владельцам мог только тот, кто его рекомендовал и изготовлял. Обряд оживления священной стрелы действительно благоприятно влияет на благополучие членов семьи. Все элементы священной стрелы имеют свое сакральное значение [27].

Лук и стрелы, будучи индивидуальной собственностью, клались в могилу с умершим, как необходимые принадлежности охотника в загробном мире. Но они были не только сопровождающими, но и сильными, часто негативными, по отношению к живым предметом.

Когда умирает якут, то рядом с ним в гроб кладут его вещи – лук, стрелы, ножи и так далее, каждую из которых немного надламывают для того, чтобы покойник не взял

счастье полностью с собою [28]. У чукчей подготовка к погребению покойника была более сложной. Так похоронная одежда не должна была быть с узлами, так как каждый узел означает смертельную опасность для кого-то из членов семьи. Но в наборе предметов для «человека с капюшоном» (покойника) сохранялась общая тенденция. К одежде для мужчины прибавляют нож в новых ножнах, копье, лук со стрелами, точильный камень в кожаном футляре, трубку и кисет с табаком, чашку или миску и три маленьких мешка для провизии; женщине вместо копья и лука клали скребок и рабочий мешок с иголками и наперстками [29].

Таким образом, стрела была неотъемлемой частью обрядности, сопровождавшей один непрерывный круг «жизненный путь» – смерть порождает рождение, рождение порождает смерть. Ее задачей было защита и очищение пространства человека.

Список використаної літератури

1. Цинциус В. И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом / В. И. Цинциус // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX в. – Л., 1971.
2. Хангалов М. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания / М. Хангалов // Этнографическое обозрение. – 1898. – Т. 36. – С. 66.
3. <http://baikal.ru/ru/peoples/buryats/life/Intro.html>
4. Хангалов М.Н. Собрание сочинений / М. Хангалов. – Улан-Уде, 2004. – Т. 2. – С.56–57.
5. Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов. Приобье глазами археологов и этнографов / Ю. И. Ожередов. – Томск, 1999. – С. 115.
6. <http://nevesta-kazan.narod.ru/text/kyrgyz.htm>
7. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Я.И. Линденау. – Магадан, 1983. – С. 86–87.
8. Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов. Этнография народов Сибири / И.Н. Гемуев, А.И. Соловьев. – Новосибирск, 1984. – С. 50.
9. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов. Этнография народов Сибири / В.Я. Бутанаев. – Новосибирск, 1984. – С. 94.
10. Ожередов Ю.И. Указ.соч. – С.110.
11. Бутанаев В.Я. Указ.соч. – С.95.
12. Линденау Я.И. Указ.соч. – С.121
13. Линденау Я.И. Указ.соч. – С.33.
14. http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=584
15. Линденау Я.И. Указ.соч. – С.66
16. Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // ЗОИАК ВОПОРГО. – 1922. – Т. 7. – С. 235–257.
17. Бутанаев В.Я. Указ.соч. – С. 105.
18. http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=584
19. Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков / Л.П. Потапов // Культура и письменность Востока. – 1929. – Кн. 5. – С. 123.
20. Потапов Л.П. Указ.соч. – С. 128–129.
21. Николаева Д.А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С.7.
22. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят / С.Г. Жамбалова. – Новосибирск, 1991. – С. 115–116.
23. Жамбалова С.Г. Указ.соч. – С.115–116.
24. Линденау Я.И. Указ.соч. – С.92.
25. http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=584
26. Хомушку И. Ю. Указ.соч. – С.137.

27. Линденау Я.И. Указ. соч. – С.41.

28. Богораз В.Г. Чукчи. – Ленинград, 1939. – С.183.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2012.

V. Kischenko

**THE IMPORTANCE OF THE ARROW IN THE CONTEXT OF «LIFE JOURNEY»
(BASED ON SIBERIAN ETHNIC ENVIRONMENT)**

The arrow was associated with one's «fate» and «life journey» and was chosen as the symbol of that «life journey». The only thing the arrow was meant for was «killing living beings». In symbolizing the person's fate, the arrow is a sign warning of «a danger coming from this form of life». Being an individual particularity, the bow and the arrow were put into the grave together with the departed as the hunter's most important kit in the afterworld. Not that it was the accompanying kit only. It was strong and often hostile towards living beings. Since the kit meant for hunting and for labour plays an important role in manufacture, it also plays an appreciable role in the economy of a given society and is taken great care of, often with piety and reverence. This reverence and pious attitude tends to switch to mystical one. The hunters have always treated the hunting kit with great care and attention. There was a set of bans which, if breached, led to a failure. The general character of the same ethnic group's rite being similar, there were some regional distinctions in the tools of the magic and in the related manipulations. The arrow was part and parcel of the rite accompanying the entire uninterrupted «life journey». Death is followed by birth and birth is followed by death. The arrow's mission was to protect and to purify the space around the human being.

Key words: arrow, rite, Siberian nations, shamanism, totem.

УДК 902'1(37)

А. І. Панкова

**ЖІНОЧИЙ ФАКТОР У МІНОЙСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ ЕПОХИ БРОНЗИ
(ЗА МАТЕРІАЛАМИ АНТРОПОМОРФНОЇ ПЛАСТИКИ)**

Мінойські культурні та естетичні традиції склалися, в основному, вже на початку III – 20 тис. до н.е. На основі відносної хронології початкових та кінцевих етапів існування на Криті палацових комплексів (палац на Криті – адміністративний та культовий осередок), дослідники ще на початку ХХ ст. виділили 2 періоди мінойської культури, що характеризуються небувалим розквітом: епоха Старих палаців (2000 – 1700 гг. до н. э.) та епоха Нових палаців (1700 – 1450 гг. до н. э.). Найбільшу цінність для нас складає пластика епохи Нових палаців. З'являються зображення Великої Праматері. Жіночий еротизм проявляється у більш яскравій формі, ніж чоловічий. Груди жінок виставлені напоказ, вони високі та соковиті, талія тонка, стан легкий та стрункий, волосся чорне, кучеряве. У кількісному співвідношенні жіночі образи переважають над чоловічими. проаналізувавши мінойську антропоморфну пластику, можна говорити лише про зміну акцентів у положенні жінки. Вона в усі періоди виконувала функцію творчого, плідного початку (такого важливого для землеробства та скотарства), підтримки здорового генофонду. В епоху Нових палаців на перше місце виходить сексуальний образ. На це вказує надмірна, децю розбещена фемінізація. Це Жінка, якою вона поставала в чоловічій еротичній уяві – грайлива, тендітна, ставна, квітуча. На цій основі вона обожнювалася, її образ містифікувався, ставав земним уособленням Великої Богині. Жінки на Криті мали лише номінальну владу, але користувалися виключною повагою громади за свою природну властивість прикрашати собою життя.